

ПОКОРИТЕЛИ АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ

Хорошо знавший Алексея Трешникова журналист Владимир Стругацкий пишет: «О Сомове всегда с любовью рассказывал мне академик Алексей Федорович Трешников. Трешников многие годы возглавлял штаб двух полюсов, как тогда называли Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт. Сомов был близким другом Трешникова – они меняли друг друга и в Арктике, и в Антарктиде.

Сомов был начальником дрейфующей станции «Северный полюс-2», а Трешников – «СП-3». Сомов возглавлял первую советскую антарктическую экспедицию, Трешников – вторую. Сомов открыл в Антарктиде первую внутриконтинентальную станцию – Пионерскую, Трешников прошел еще дальше в глубь континента и на Южном геомагнитном полюсе открыл знаменитую станцию Восток...».

Со времен детства, когда читались романы Жюль Верна, осталось стойкое чувство восхищения этими удивительными мужскими профессиями – путешественника, исследователя... Они казались загадочными, эти герои-романтики, уходившие от обыденной комфортной жизни куда-то в неведомые края... Печальные верные подруги ждали их, тех, кто мог и не вернуться. Но они возвращались, и их мужественные усталые лица хранили печать испытаний. В эти лица вглядывались любившие их женщины, в глаза которых никто не мог бы сравниться с этими мужчинами. Они оправдывали в глазах женщин само понятие – мужчина. Так было в книгах, но так было и в жизни.

«Почти 10 часов в полном мраке в воющей пурге продолжался наш поход по ледяному хаосу. Каждый из нас думал: дойдем ли? Мы двинулись по огромному ледяному полю протяжением в десятки километров. Поле это частично сидит на мели, частично находится на плаву. Стоит сильному ветру устойчиво изменить своё направление – и это, казалось бы, вековое ледяное поле разламывается на мелкие куски, а наш экипаж нырнет под лед.

Знаю, что испытывают и о чем думают мои товарищи. Но ведь это бывалые, «тертые» полярники. Они умеют держаться как подобает. Смотрю на окружающих меня людей и не могу наглядеться. Не то что страха за свою судьбу, а и тени беспокойства на лицах невозможно заметить.

В воспоминаниях о Михаиле Сомове его друзей-полярников часто звучит: удивительная цельность натуры, интеллигентность, мужество, надежность. «Арктика человека экзаменует

ДВА КАПИТАНА

На кладбище поселка Комарово среди могил знаменитых людей есть две особые могилы. В них похоронены два друга, два полярных исследователя – Михаил Сомов и Алексей Трешников. На могиле Трешникова фигура императорского пингвина, печально наклонившего голову. На могиле Сомова – памятник, сделанный из камней, привезенных полярниками из Антарктиды, о чем свидетельствует надпись на нижней плите. Нижний камень – это чарнокит, один из самых древних гранитов Земли; он взят из скалы на советской южно-полярной станции Мирный. Верхний камень – гнейс, привезенный со станции Ленинградская, что находится на берегу моря Сомова Южного океана.

В Комарове. Слева направо: М. Сомов и А. Трешников

безжалостно, – пишет один из полярников. – Жить и работать на дрейфующей станции пришлось в экстремально трудных условиях, которых не знали последующие станции. Вот когда в полной мере проявилась дальновидность М.М. Сомова: он отбирал сотрудников лично...» В ситуации исследования неведомого континента, когда никто не знал, с чем столкнется завтра, организаторские таланты Сомова, его понимание людей – эти качества были драгоценны. Их цена – человеческие жизни. «Я ни разу не встречал столь сплоченного и веселого коллектива», – свидетельствует очевидец. Ценность оптимистического настроения в критических условиях и опасных профессиях чрезвычайно высока. Еще в 19 веке путешественник Ф.Ф. Беллинсгаузен отмечал в дневнике: «Веселое расположение духа и удовольствие подкрепляют здоровье. Напротив, скука и унылость рождают лень и неопытность, а от сего происходит цинготная болезнь». Можно верить тому, кто подошел к Антарктиде на судне, построенном в начале 19 века. Напряги воображение, читатель, представь, каково это было при тех условиях развития техники и комфорта!

СЕКРЕТНЫЙ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС – 2»

Непросто было и экспедиции М.Сомова. Первая советская экспедиция, доставленная к берегам Антарктиды тремя судами – дизель-электроходами

«Обь» и «Лена» и рыболовецким рефрижератором №7, высадились на ледяной континент 5 января 1956 года. Она должна была найти место для первой советской станции. Ее решили назвать в честь шлюпа «Мирный» – одного из кораблей первой русской антарктической экспедиции Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, открывшей в 1820 году этот самый южный на земле континент. Тогда, в 50-х годах XX века, Антарктида была почти сплошным белым пятном. Никто не знал, что может ждать там людей. Сомов

занимается подготовкой первого внутриконтинентального похода и сам решает его возглавить. Трешников говорил, что самым главным в этом походе было «преодоление людьми барьера человеческой выносливости». Конечно, Михаил Сомов был одним из пионеров ледовой разведки. За его плечами лежал опыт исследования Арктики. Не секрет, что исследования Арктики и Антарктиды имело военные цели. После войны Советский Союз снова возвращается к регулярным исследованиям Арктики. Начальником второй в истории станции после папанинской назначили Михаила Со-

мова. О Папанине знали все. А вот о дрейфе станции «Северный полюс-2» не знали даже родственники, всё было засекречено. 376 дней зимовали на льдине, а материалы об этой истории только сейчас оказались рассекречены. Сомов после зимовки на «СП-2» получил Золотую Звезду Героя Советского Союза.

ОТКУДА РОДОМ ПОКОРИТЕЛИ ЛЬДОВ

Когда думаешь о Михаиле Сомове и его нелегкой и недолгой (всего 65 лет) жизни, невольно спрашиваешь себя: откуда в этом легендарном человеке, известном во всем мире, брались те качества, которыми восхищались его коллеги? «Сомов был человеком слова, верность данному слову, подписанному им документу считал делом чести. Он не допускал возможности вести себя ненадежно. Так было у него и в большом, и в малом. Избранному делу, как и большому чувству, Сомов принадлежал целиком, до конца». Так вспоминали о нем друзья. Качества характера закладываются в детстве. Какой же была семья, в которой вырос Михаил Сомов? С этим вопросом я пришла к сыну М.Сомова Глебу Михайловичу. И вот что оказалось.

Михаил Сомов происходит из знаменитого дворянского рода, которому более 600 лет. В 80-х годах XIV столетия на службу к великому князю Дмитрию Иоанновичу приехал из Золотой Орды

Мурза Ослан, принявший в 1389 году святое крещение с наречением имени Прокопия. Он вскоре женился на дочери стольника Марии Житовой. От этого брака были сыновья, давшие начало нескольким дворянским родам России (Арсеньевым, Павловым, Ртищевым, Ждановым, Кременецким), в том числе и Сомовым. Среди предков Михаила Сомова много потомственных военных. Один из них, например, улан Сомов женился на племяннице И.С.Тургенева, послужившей прототипом Татьяны в романе «Дым». К этому роду принадлежит и известный художник Серебряного века Константин Сомов. Были и ученые – известна в математике «формула Сомова». А со стороны матери Михаил Михайлович Сомов является потомком семьи Данзасов (секундант А.С.Пушкина). То есть история рода древняя и славная. Что ж, неудивительно теперь, что рыцарские качества предков продолжились в лице всемирно известного исследователя Арктики и Антарктиды.

В КОМАРОВЕ

В поселке Комарово Сомов и Трешников оказались благодаря любви к Карельскому перешейку, куда регулярно ездили отдыхать с друзьями. Сын ученого, Глеб Михайлович, рассказывает, что как-то на пляже оба друга решили написать письмо в ленинградский исполком с просьбой выделить участок для постройки дачи. И это помогло – двум героям-полярникам в 1952 году выделили два участка по 12 соток на углу улиц Осипенко и Морской. Кому какой – бросали «на морского». И в результате угловой участок достался Трешникову, а следующий – Сомову. Наняли известного в поселке плотника – Михаила Григорьевича Селина. Дачи были построены, полярники стали комаровскими жителями. Правда, по-настоящему отдохнуть на даче им обоим было некогда – работа. Лишь когда Михаил Михайлович Сомов вышел на пенсию, а случилось это, когда ему исполнилось 59 лет, он стал заниматься участком, дачей, выращивать цветы, которые ему присылали со всего света, вешать скворечники, потому что любил птичье пение, и писать воспоминания. Любовь к «полюсам холода» не отпускала. Здоровье не позволяло Сомову вернуться туда, но душа его, наверно, так и не смогла смириться с разлукой. Ведь прожил он на пенсии всего шесть лет...

Когда я думаю о судьбе Михаила Сомова, то невольно вспоминаю лермонтовский «парус одинокий». Есть еще на свете люди, которым не ужиться в уютном безопасном мире, которых вечно манит буря, но, быть может, они-то и есть оправдание понятию «человек»...